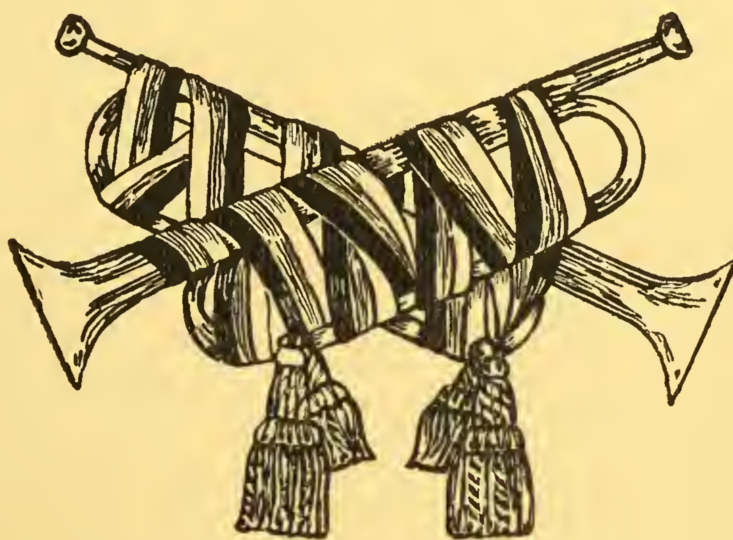
К. ПЕРЕПЕЛОВСКИЙ

КИЕВСКОЕ
Великого Князя
Константина Константиновича
Военное Училище

К столетию со дня основания

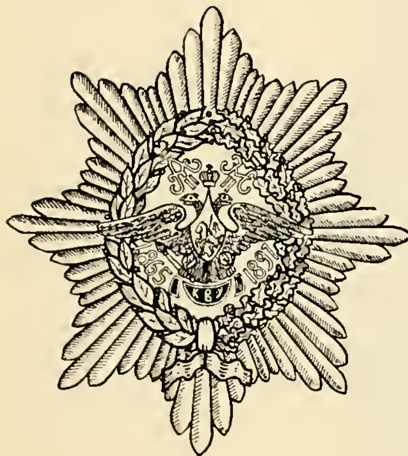
1865-1965

Военно-Историческая Библиотека « Военной Были »

№ 9

Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное Училище

(К столетию со дня основания)

Из всех российских воинских частей и военно-учебных заведений наше Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище одно не прекращало ни на один день, до тех пор пока существовала Русская Армия, своего служения Родине. И только учреждение последним Главнокомандующим генералом Врангелем, уже за рубежом, Русского Обще-Воинского Союза, наследника Российской Императорской и Белых Армий, заменило для Киевлян-Константиновцев службу в рядах училища — служением Родине уже заграницей в составе только что основанного Союза, объединившего русских офицеров и солдат, отказавшихся признать Россией Союз советских республик.

Улицы родного для училища Киева, равнины и горы Кубани, перешейки Крыма и, снова, кубанские степи, обильно политы кровью Константиновцев.

В октябре 1917 года, в Киеве, в дни начала борьбы с большевиками, прервавшей деятельность училища, как военно-учебного заведения, победа склонилась на сторону так называемых «украинцев» — сторонников отделения Малороссии от России и наше училище ушло из Киева туда, где горел еще огонь Русской Государственности, в казачьи земли, на Дон. Но не было еще Добровольческой Армии, еще не выяснилась окончательная позиция Дона, и училище прошло дальше, на Кубань.

Составляя, затем, ядро пехотных частей Кубанской армии, юнкера и офицеры училища дрались с большевиками в предгорьях Кавказа до соединения с Добровольческой Армией великих русских патриотов Алексеева, Корнилова и Деникина. В рядах Добровольческой Армии они продолжали борьбу до освобождения Кубани, до тех пор, пока не стало возможным возобновление нормальной военно-учебной деятельности училища.

Екатеринодар сменился Феодосией. Кровью Константиновцев, в тяжкий для Вооруженных сил Юга России момент, был удержан Крым и генерал Врангель получил возможность с честью закончить трехлетнюю нашу борьбу.

Но не увенчалась успехом борьба и училище покинуло родную землю в сознании честно и жертвенно исполненного долга, унося незапятнанными свои национальные идеалы и свои верные России боевые штыки.

Феодосию заменило Галлиполи... Наконец, затерянная в горах Болгарии Горная Джумая стала последней стоянкой училища.

62 убитых офицера и юнкера, 166 раненых — за один только 1920-ый год (боевые потери 1917 и 18-го годов точно неизвестны) — и три сотни подготовленных по программе мирного времени офицеров, — таковы итоги боевой и учебной деятельности училища за время с ноября 1917. года.

Сегодня, последние Киевляне-Константиновцы считают своим долгом оставить будущим российским офицерам свидетельство, пусть, из-за отсутствия подробных исторических данных, — неполное, о службе России и родной Армии нашего училища, воспитавшего за время своего существования многие поколения русских офицеров, от безвестных прапорщиков и подпоручиков (сколько их было? кто знает их имена?) до выдающихся военачальников, среди которых — генерал Антон Иванович Деникин, а также и тех юнкеров, которые пали смертью храбрых в боях за честь и достоинство Родины в 1917-1920 гг., не успев еще надеть офицерские погоны!

1964 год, Париж.

Киевляне-Константиновцы

1865 — 1916.

Училище основано в 1865 году Императором Александром 2-м и получило наименование «Киевское пехотное юнкерское училище».

В сражениях Освободительной войны 1877-78 гг. приняли, впервые, участие офицеры, выпущенные из Киевского пехотного юнкерского училища.

С 1888 года училище стало переходить к военно-училищному курсу. При Начальнике училища ген. штаба полковнике Дюбюк, между 1888 и 1901 годами, батальон училища, состоявший из двух рот, был развернут в четырех-ротный.

Для того, чтобы получить представление о том, чем было Киевское пехотное юнкерское училище в те далекие времена, лучше всего обратиться к воспоминаниям такого авторитетного свидетеля, каким был генерал Деникин, бывший питомец училища (выпуска 1892 г.), посвятивший нашему училищу одну из глав своего автобиографического труда «Путь русского офицера».

Вот что пишет генерал Деникин:

«В конце 80-х годов для комплектования русской армии офицерами существовали училища двух типов: «военные» училища, комплектовавшиеся юношами, окончившими кадетские корпуса, и «юнкерские» училища. Военные училища выпускали своих питомцев офицерами, а юнкерские — в пехоту и кавалерию — подпрапорщиками, впоследствии производившимися в офицеры... Путем постепенных реформ, к 1911 году все училища стали «военными», и русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского.

В 1888 году было создано училище третьего типа, под названием «Московское юнкерское училище с военно-училищным курсом». Программа и права были те же, что и в военных училищах, и принимались туда вольноопределяющиеся с законченным высшим или средним образованием гражданских учебных заведений... Такие же военно-училищные курсы были открыты и при Киевском юнкерском училище, куда я поступил осенью 1890 года, предварительно записавшись в 1-ый Стрелковый полк, в Плоцке.

Училище наше помещалось на Печерске, в старинном крепостном здании со сводчатыми стенами, с окнами-нишами, обращенными на улицу и с пушечными амбразурами, глядевшими в поле, к реке Днепру.

Воинская дисциплина стояла в училище на большой высоте так же, как и строевое образование. Военная муштра скоро преобразовывала бывших гимназистов, студентов и семинаристов в заправских юнкеров, создавая ту особенную выправку, которая не оставляла многих до смерти и позволяла отличить военного человека под каким угодно платьем.

Проходили мы солдатскую службу обстоятельно, первый год в качестве учеников, второй — в роли учителей молодых юнкеров. Строевыми успехами мы гордились, роты соревновались одна с другой.

На классных занятиях всегда бывали тишина и порядок. Военные предметы и подсобные к ним проходили основательно, но, может быть, слишком теоретически. Позднее, во время военного ренессанса», после японской войны, программы изменились к лучшему. Из общих предметов проходили Закон Божий, два иностранных языка, химию, механику, аналитику и русскую литературу.

Военная школа уберегала своих питомцев от духовной немочи и от незрелого политиканства, но она не помогала им разобраться в сонме вопросов, всколыхнувших русскую жизнь. Тем не менее, вся окружающая атмосфера, проникнутая бессловесным напоминанием о долге, строго установленный порядок жизни, постоянный труд, дисциплина, традиции юнкерские, не только ведь, школьнические но и разумно-воспитательные, все это в известной степени искупало недочеты школы и создавало военный уклад и военную психологию, сохранявшие живучесть и стойкость не только в мирное время, но и на войне, в дни великих потрясений и великих искушений».

В 1897 году училищу было пожаловано знамя, а 9-го июля того же года — присвоено наименование «Киевское военное училище».

О жизни и военно-учебной деятельности училища в период после 1900 года рассказывает в своих воспоминаниях полковник Василий Афанасьевич Сигарев, так же, как и генерал Деникин, бывший питомец училища (одного с ним выпуска, 1892 года), зачисленный в 1901 году в училище младшим офицером, командир сначала 2-ой, потом 1-ой роты, а с 1909 по 1917 год — командир батальона училища.

Уже с первого дня своей службы в училище, пишет полковник Сигарев, он мог убедиться в большой интенсивности и напряженности работы всего состава училища. Начальник училища, генерального штаба генерал Шуваев, будущий Главный Интендант и Военный Министр, прекрасный организатор и отличный хозяин, человек с твердым и решительным характером, главное свое внимание обращал на части учебную, возглавляемую Инспектором классов генералом Цыгальским, и хозяйственную. Область строевой подготовки будущих офицеров была почти полностью предоставлена командиру батальона полковнику Левуцкому и его ближайшим подчиненным, командирам рот: 1-ой капитану Примо, 2-ой — капитану Бондареву, 3-ей — капи-

Державный основатель Киевского пехотного юнкерского училища
Государь Император АЛЕКСАНДР II НИКОЛАЕВИЧ

тану Соколову и 4-ой — капитану Орлову. Младшими офицерами рот были штабс-капитаны: Соловьев, Львов, Галущинский, Буйвид, Дейчман, Севриков, Воронцев, Шаревский, Забуга, Ивицкий. В августе 1903 года, полковник Сигарев, тогда — капитан, принял в командование 2-ую роту.

В конце августа 1903 года училище приняло участие в большом Курском маневре, составляя, совместно с Одесским военным училищем, Сводный батальон из двух рот нашего училища и двух рот — Одесского, под начальством нашего командира батальона полковника Левуцкого. На маневре присутствовали также и Начальники обоих училищ.

В предпоследние сутки перед окончанием маневра, Сводному батальону пришлось, по условиям обстановки, проделать 70-тиверстный форсированный марш: выступив с места ночлега в 4 часа, после двух небольших привалов на обед и на ужин, батальон прибыл в 23 часа в небольшую деревню в окрестностях Курска. На улицах этой деревни, в темноте и тесноте, юнкера спали сидя, облокотившись на заборы и стены хат, до 2 часов следующего утра, когда батальон был поднят и двинулся дальше. Через два часа марша, перейдя вброд реку Сейм, батальон занял предписанную ему позицию и, наскоро окопавшись, заснул, буквально, «мертвым» сном.

Около 11 часов к позиции прибыло «начальство» и, убедившись в нахождении батальона на указанном ему месте, благодарило юнкеров за совершенный поход.

После окончания маневра и общего парада в Высочайшем присутствии, роты училища вернулись в Киев.

В бытность Начальником училища генерала

Шуваева был выстроен большой манеж, пристроен к главному зданию училища лазарет, оборудована собственная электрическая станция; амбразуры тыльной стороны главного здания в обоих этажах казематов были переделаны в нормальные окна. Все, принадлежавшие училищу земельные пустоши (сзади здания и напротив, через улицу, где был манеж), были использованы под огороды и, таким образом, все овощи стали обходиться в 3-4 раза дешевле, чем раньше, когда их приходилось покупать у торговцев. На реализованные экономические средства были приобретены — прекрасная столовая посуда завода Кузнецова с монограммой училища, столовое серебро и чайные серебряные ложки, которые многими юнкерами при производстве в офицеры так охотно не сдавались, как «утерянные», и оставлялись на память. За такие «утерянные» ложки с юнкеров удерживалась их стоимость, а в роты, под теми же номерами, от заведующего хозяйством, поступали новые ложки.

С началом Японской войны, по собственному желанию были командированы в Действующую Армию капитан Аксенов, павший смертью храбрых в Манчжурии, и штабс-капитан Соловьев.

В 1905 году генерал Шуваев получил назначение начальником 5-ой пехотной дивизии в Житомире, а несколько позже — скончался генерал Цыгальский. Начальником училища был назначен генерал Коссович, прекрасный, спокойный и обходительный в обращении человек, но как начальник — мягкий и несколько нерешительный. Должность Инспектора классов занял полковник Данкварт.

В сентябре 1905 года в училище прибыли для прохождения курса 50-60 прапорщиков, участников Японской войны, произведенных в этот чин за боевые отличия и не имевших военного образования. По существовавшим законам такие офицеры могли продвигаться по службе только до чина штабс-капитана, и потому, желавшие продолжать службу и далее, должны были пройти курс военного училища. Жили эти прапорщики на частных квартирах и, приходя в училище на занятия, занимались в отдельном от юнкеров классе. Так же отдельно велись с ними и строевые занятия.

Россия переживала в то время период революционного брожения, отразившийся, конечно, и на армии. Отразился он, к сожалению, в какой-то степени и в жизни училища. Некоторые преподаватели, среди которых полковники ген. штаба Черемисов и Бонч-Бруевич и преподаватель артиллерии полковник Матющенко, позволяли себе довольно открыто высказывать свое недовольство правительством да и, вообще, порядками в стране. При генералах Шуваеве и Цыгальском вопросы политического характера никогда не поднимались между офицерами училища, теперь же вопросы эти обсуждались в преподавательской комнате и довольно часто переходили в открытые, бурные споры. «Вольный» дух преподавателей, очевидно через классы, стал проникать и в роты, от чего страдала дисциплина; очень скоро строевой командный состав почувствовал необходимость применения все более суровых мер для поддержания дисциплины на должной высоте.

Наибольшее, сравнительно, число анти-дисциплинарных проступков наблюдалось в это время в 1-ой роте, командир которой капитан Примо, иногда смотревший «сквозь пальцы» на проступки юнкеров, был вынужден оставить училище. В апреле 1905 года 1-ую роту было предложено принять полковнику Сигареву (тогда — капитану), которому пришлось положить немало труда для восстановления в роте должного порядка. Командиром 2-ой роты, после капитана Сигарева, стал капитан Галущинский.

К концу 1906 года или в самом начале 1907 года были одновременно сменены Начальник училища и командир батальона. Вскоре получил другое назначение и полковник Данкварт, а Инспектором классов стал наш преподаватель администрации полковник Старк.

На место генерала Коссовича Начальником училища был назначен ген. штаба генерал Константин Александрович Крылов, имевший репутацию энергичного и решительного начальника. Новый командир батальона, полковник Лейб-гвардии Кексгольмского полка Борис Викторович Адамович, участник войны с Японией, отличался как чрезвычайной работоспособностью так и неисчерпаемой энергией и умел импонировать подчиненным; всегда подтянутый, прекрасный гимнаст, он везде и всегда служил примером аккуратности и точности; обладал он и даром слова. Эти два человека, сыгравшие в училище большую и очень положительную роль, сразу же внесли в жизнь училища свое знание дела и твердую волю. Почти сразу же были заменены два ротных командира: 3-ей роты капитан Соколов — капитаном Веригиным, впоследствии, в 1911 году, назначенным командиром батальона Виленского военного училища, и 4-ой роты капитан Орлов — капитаном Шаревским, одним из наших младших офицеров. Оменен был и заведующий хозяйством, каковым стал капитан Семенович.

Новый Начальник училища и командир батальона прежде всего принялись за внутренний распорядок училища. Все, без исключения, стороны жизни, учения, работы и отдыха юнкеров явились предметом строжайших и точнейших инструкций, выработанных полковником Адамовичем. Инструкции эти составлялись им на основании его собственных наблюдений и

тщательного изучения вопроса, произведенных им на месте: в ротных помещениях, в классах, в цейхгаузах, в лазарете, на кухне и т. д. (После вмешательства полковника Адамовича, например, в организацию довольствия юнкеров, оно было значительно улучшено вообще; так к утреннему чаю юнкерам стала подаваться даже мясная котлета. Через какой-то промежуток времени, после представления по предписанию Главного Управления Военно-учебных Заведений рассчета содержания калорий в ежедневном меню юнкеров, в наше училище были командированы офицеров из Одесского и Чугуевского военных училищ для ознакомления с постановкой довольствия юнкеров).

Инструкции эти, в рамках под стеклом, вывешивались в каждой роте на видном месте. Впоследствии, все инструкции были сведены в одну общую «Инструкцию юнкерам Киевского военного училища», которая была отпечатана и выдавалась каждому юнкеру при поступлении в училище. Она сыграла впоследствии очень большую роль, особенно с началом войны 1914 года, сильно облегчая работу строевого командного состава.

Главным отделом, подвергшимся коренной ломке, были строевые занятия юнкеров, которые, до принятия батальона полковником Адамовичем, производились так же, как еще в Киевском пехотном юнкерском училище, когда полковник Сигарев был юнкером младшего класса в 1888-89 учебном году, и зависели всецело от усмотрения и вкуса ротных командиров. Нередко, поэтому, бывало так, что один ротный командир увлекался прицеливанием со станка, в то время как другой — стрельбой дробинками; у одного производились ружейные приемы, у другого — ротные учения и т. д. Даже по выходе в лагерь еще продолжались и приготовительные к стрельбе упражнения и сомкнутые взводные и ротные учения.

Весь курс строевой подготовки будущих офицеров был переработан полковником Адамовичем совершенно заново. В сентябре месяце командирам рот было роздано расписание строевых занятий на весь зимний период с точным указанием числа часов, отведенных на каждый отдел строевого обучения. Строевые занятия потеряли вид рутины, каждая минута стала дорога. Команда «вольно!» стала подаваться лишь тогда, когда офицеру нужно было или показать что-либо новое или что-нибудь объяснить; не стало хватать времени. Занятия были вынесены на воздух и, зачастую, можно было видеть взводы, марширующие по лужам, подоткнувши полы шинелей за пояс. К моменту выхода в лагерь все сомкнутые ученья бывали закончены, до батальонного включительно; закончена одиночная подготовка к полевым и тактическим занятиям, и весь период

Погон синий с красным кантом. Галун и пуговицы — золотые. Шифровка — желтая.

лагерной службы проходил в стрельбе и тактических ученьях. К зиме 1908-09 гг. возле училища был построен тир для стрельбы на 200 шагов и к стрельбе боевыми патронами приступали сейчас же, как только заканчивались приготовительные к стрельбе упражнения.

Для гимнастического зала были приобретены новые снаряды и гимнастика приняла, вообще, вид спорта. По соглашению с полковым начальством были введены инструкторские занятия по гимнастике с солдатами ближайшего к училищу по месту расквартирования Миргородского полка. С 1908 года организовывались состязания по гимнастике и верховой езде, в которых победителям раздавались призы: часы, училищные жетоны, серебрянные подстаканники, компасы и т. д. Очень интересны были состязания во взводных учениях взводов младшего курса под командой своих портупей-юнкеров. Уже с начала учебного года в ротах начиналась подготовка к этим состязаниям, наградой в которых служил переходящий альбом с групповыми фотографиями призового взвода, с отдельной карточкой взводного портупей-юнкера и с поименным списком всех юнкеров взвода. Альбом этот целый год хранился в особом ящике в роте, взявшей приз. Судьей в состязании была особая комиссия из пяти офицеров, под председательством командира батальона и бывало очень трудно, по свидетельству полковника Сигарева, отдать предпочтение тому или другому взводу, настолько красиво и ловко производилось учение всеми представлявшимися взводами

Декабрь 1916 г. Справа от Начальника училища **полковник Сигарев,** слева — инспектор классов **генерал Старк.** Крайний слева, с шашкой, **капитан де-Лобель.**

Состязания эти очень стимулировали строевую подготовку молодых юнкеров.

Одновременно обращалось внимание и на воспитание юнкера. Организовывались беседы на темы о дисциплине, о патриотизме, о родине, об умении себя держать в разных случаях жизни. Несколько таких бесед блестяще провел сам командир батальона.

Были приняты меры к улучшению обмундирования юнкеров (собственное обмундирование носить не разрешалось) и к концу 1907 года каждому юнкеру была «построена» отпускная форма: шинель, мундир, шаровары, сапоги и головной убор. Эти вещи не пригонялись, как раньше, из общей массы мундирной одежды, хранившейся в цейхгаузе, а шились по мерке, на каждого юнкера отдельно.

Была введена полковником Адамовичем и новая система первого отпуска юнкеров младшего класса. В течение первого месяца пребывания в училище, юнкеров младшего класса, за исключением кадет, в отпуск не пускали совершенно, и они занимались в своих ротах одиночной выправкой и отданием чести. Через месяц ротные командиры представляли их, группами по 5-6 человек лучших, командиру батальона, который лично поверял каждого. Малейшая шероховатость в выправке, в отдании чести, в ответах на летучие вопросы, задававшиеся командиром батальона, лишала юнкера права на отпуск.

Такой прием сразу породил между юнкерами соревнование на скорейшее получение права на отпуск. Юнкера же, плохо успевавшие в отношении строевой подготовки, к декабрю месяцу отчислялись от училища в полки. За период с сентября по декабрь таких неуспевавших набиралось человек 15-20.

Часто по воскресным дням, командир батальона приказывал оседлать пять лошадей, брал из каждой роты по юнкеру, которых он называл своими «ординарцами», и с ними совершал верховые прогулки по окрестностям города.

Через два года все эти меры уже дали реальные результаты: юнкера Киевского военного училища стали выделяться своим поведением и выправкой не только среди гарнизона Киева, но и в других городах, куда они уезжали на каникулы в отпуск.

В мае 1909 года полковник Адамович был назначен Начальником Виленского военного училища, а 5-го июня 1909 года был отдан Высочайший приказ о назначении командиром батальона нашего училища полковника Василия Афанасьевича Сигарева.

Переходя к воспоминаниям о времени своего командования батальоном, полковник Сигарев еще раз отмечает напряженную работу строевого командного состава училища не только в отношении строевой подготовки юнкеров, но и по воспитанию будущих офицеров.

И одно и другое лежит на ответственности командира батальона; два года юнкер живет в своей роте и наблюдение и ответственность за выполнение им всех требований дисциплины и службы, за его поведение в стенах училища и вне

его, лежит на строевом начальстве, В случае неуспеваемости юнкера в классных занятиях, об этом сообщается тому же строевому начальству для принятия соответствующих мер. Как юнкер одет, пришиты ли все пуговицы, вычищены ли сапоги, что бы и где бы юнкер ни сделал, отвечает все то же строевое начальство. Строевой офицер в училище — не только начальник, он и гувернер, он и наставник юнкеров; именно на нем и лежит главная ответственность за воспитание будущего офицера. А если принять во внимание, что наше училище пополнялось на 85% штатскими молодыми людьми (кадет поступало в среднем 30-40 человек в год), то станет понятным, что строевому начальству приходилось часто перерабатывать психику молодых людей, совсем не имеющих понятия или же, что еще хуже, имеющих превратное понятие о дисциплине, о чувстве воинского долга, о войсковых традициях и т. д. И за два года работы училище этого добивалось: полковнику Сигареву не один раз приходилось слышать от молодых офицеров, бывших студентов, сожаления об отсутствии в университетах «хоть десятой доли тех разумных требований, которые предъявляются в училище: университеты были бы тогда образцовыми учебными заведениями».

Очень большое внимание обращалось на выбор будущих портупей-юнкеров. До принятия должности командира батальона полковником Адамовичем, каждый командир роты представлял, в надлежащее время, командиру батальона рапорт, ходатайствуя о производстве таких-то юнкеров в портупей-юнкера. Производства эти автоматически утверждались командиром батальона и начальником училища. Полковник Адамович ввел для этих производств совершенно новый порядок. Зная хорошо, если не всех, то, по крайней мере, бóльшую половину юнкеров, полковник Адамович собирал ротных командиров и совместно с ними обсуждал каждую кандидатуру, часто заменяя представляемых другими кандидатами. Этот «совещательный» способ, давший прекрасные результаты, продолжал применяться и при командире батальона полковнике Сигареве. При этом, главное внимание обращалось не на успехи в классных занятиях, а на моральные качества кандидатов на портупей-юнкерские нашивки: твердость характера, силу воли, уменье подчинять себе других и т. д.

Была принята, также, система общих заседаний всех офицеров строевого командного состава, на первом из которых, в конце сентября месяца, командиры полурот младшего класса подробно докладывали о каждом юнкере своей полуроты, о его качествах, насколько они выявились за истекший месяц, характере, исполнительности, дисциплинированости и т.д. В конце ноября назначалось такое же заседание и перед роспуском на Рождество — третье. После Нового Года бывали еще два заседания.

В соответствующие периоды на таких собраниях обсуждались и вопросы о производстве в портупей-юнкера. Это давало возможность всем офицерам высказать свое мнение по поводу юнкеров других рот, если ими было что-нибудь за кем-либо из юнкеров замечено.

Далее, полковник Сигарев вспоминает, что, составляя расписание строевых занятий на 1909-10 учебный год, он лишний раз убедился в том, насколько целесообразно и продуманно оно было составлено полковником Адамовичем, так что в него не понадобилось внести, кроме самых незначительных деталей, почти никаких изменений. В последующие годы расписание это все время усовершенствовалось с учетом опыта прошлых лет, и в конце 1912 года Главное Управление Военно-Учебных заведений приказало Начальнику училища разослать наше расписание строевых занятий во все училища, как образец.

Из личного своего опыта, как преподавателя тактики, полковник Сигарев вынес впечатление о том, как трудно юнкерам младшего класса усвоить понятие о действиях роты состава военного времени в боевом порядке. Поэтому, с самого начала своего командования батальоном, полковником Сигаревым были введены показные учения, производившиеся ротой юнкеров старшего курса, усиленной пулеметной командой. После походного движения с мерами охранения эта рота проходила на полигон, где проделывала полное наступление роты, от резервного порядка, движения в сфере артиллерийского огня, перестроения в боевой порядок, наступления под пулеметным и ружейным огнем, до удара в штыки и преследования противника включительно. Сопровождавшие роту юнкера младшего курса, наблюдая ее действия и выслушивая объяснения своих офицеров и преподавателей тактики, изучали на примере полную картину боя роты.

Ознакомление с артиллерией и конницей происходило на практике, для чего в училище специально прибывали полевая батарея и казачья сотня. Эта последняя, в конце своих занятий, проносилась лавой через нашу цепь...

Число часов, отведенных на ночные учения, было при полковнике Сигареве удвоено.

В 1910-11 годах при училище было организовано «Общество вспомоществования бывшим Киевлянам». Устав Общества, состоявшего под Августейшим покровительством Великого Князя Константина Константиновича, был Высочайше утвержден 27 июня 1911 года. Особенно много труда вложил в это начинание капитан Луганин, впоследствии командир 4-ой роты.

В сентябре месяце 1911 года, батальон, под

командованием капитана Галущинского (полковник Сигарев был назначен посредником при одной из дивизий) и в присутствии Начальника училища, принимал участие в больших маневрах войск Киевского военного округа в Высочайшем присутствии. По окончании маневров состоялся общий парад у села Мотыжино, где после объезда войск Государем, училище прошло церемониальным маршем в голове всех войск парада. Затем, выступив 15 сентября в 17 часов походным порядком, батальон прибыл в Киев 16 сентября в 8 часов, сделав переход в 58 верст за 15 часов.

К 1913 году был закончен постройкой новый двух-этажный флигель для классных помещений, соединенный с главным зданием. В том же флигеле была устроена церковь с примыкавшим к ней огромным залом, в котором мог быть совершенно свободно построен весь батальон. В этом зале потом происходили балы, концерты, спектакли, разбор вакансий и проч. В нижнем этаже, под этим залом был оборудован новый гимнастический зал со множеством снарядов, в котором могла заниматься одновременно целая рота, разбиваясь на 12-15 партий, по 6-7 человек в каждой. Рядом с гимнастическим залом был фехтовальный зал. Весь верх старого здания служил теперь как помещения для рот, а нижний его этаж был отведен под всевозможные хозяйственные учреждения. Явилась возможность оборудовать при ротах прекрасные умывальные комнаты, курилки, парикмахерские и т.д. Столовая была расширена, кухня, хлебопекарня и булочная усовершенствованы. Была также расширена и библиотека.

Подводя итог уже сказанному, можно утверждать, что к 1912 году жизнь и деятельность училища уже твердо и окончательно установились. Весь состав его, от Начальника училища и до последнего по списку юнкера, слился в одно прочное целое. Честью училища дорожил каждый и все крепко придерживались традиций и девиза «Дисциплина — прежде всего!», выбитого над входом в училище. Улучшались оценки ежегодно инспектирующих училище генералов или же самого Главного Начальника Военно-Учебных заведений Великого Князя Константина Константиновича. Последний смотр училища Великим Князем имел место летом 1913 года, когда Великий Князь прожил в лагере училища три дня. На вопрос полковника Сигарева, обращенный к генералу, сопровождавшему Великого Князя в Его поездке, о том, как Он находит училище, генерал ответил, что сейчас Киевское военное училище во мнении Главного Управления Военно-Учебных заведений стоит на первом месте.

Немалая заслуга в этом принадлежит Начальнику училища генералу Крылову; он любил училище, заботливо вникал во все его нужды. Редко бывал день, чтобы Начальник училища не побывал на занятиях во всех ротах. Генерал Крылов всегда горячо стоял за своих юнкеров; случаи, когда комендантский надзор сообщал в училище что-нибудь о нашем юнкере, стали чрезвычайно редкими, так как даже самое ничтожное замечание Начальник училища близко принимал к сердцу. Был случай, когда Начальник училища, по докладу юнкера, найдя, что юнкер не был виноват, немедленно отправился к командующему войсками округа. Комендант города Киева генерал Медер приезжал потом к Начальнику училища с объяснениями.

В этот период, вспоминает полковник Сигарев, работать стало легче. Офицерский состав училища представлял собой испытанных, опытных людей; ротами командовали капитаны: 1-ой — Дейчман, 2-ой Галущинский, потом Минин, 3-ей Воронцов, 4-ой Ивицкий, потом — Луганин. Радовали своей образцовой службой и младшие офицеры, штабс-капитаны Басанько, Никольский, Фокин, Каминский, — регент нашего церковного хора, Мошинский, преподававший у нас фехтование, Тутковский, ротмистр Дужкин. Учебное дело было в руках генерала Старка и его помощника полковника Попова, преподававшего артиллерию, замечательного работника. Законоучителем и училищным священником был о. Евгений Капралов, магистр богословия. Это был единственный преподаватель, на лекции которого по истории церкви и догматам веры приходили, умудряясь удрать со своих лекций, юнкера из других классов. Старшим врачем был действительный статский советник доктор Бочаров, хирург по специальности, расстрелянный большевиками в Мариинском парке в Киеве в 1918 году. Помощником его был доктор Воронецкий, специалист по внутренним болезням. Хозяйственная часть оставалась в руках опытного полковника Семеновича, а квартермистром был полковник Фомин.

Весь постоянный состав училища, до старшего повара Орленко и вахтера, начальствовавшего над всей училищной прислугой, составлял большую, дружно работавшую и сплоченную семью.

Конец 1913-го и начало 1914-го года никакими особенными событиями не выделялись и лишь объявление войны в июле 1914 года положило начало поистине лихорадочной работе. После выпуска юнкеров не в августе, как всегда, а в Июле 1914 года, училище было сейчас же исполнено новым приемом; остававшемуся в училище младшему классу был дан 2-хмесячный срок для прохождения сокращенного курса старшего класса, и 1-го октября 1914 года состоялся последний, до 1920 года, выпуск юнкеров из училища в чине подпоручика.

Начиная с 1 декабря, через каждые два месяца, училище выпускало прапорщиков. Строевой командный состав, кроме своей непосредственной работы, с начала войны был привлечен к чтению лекций по тактике и типографии. Много времени уходило на заботы по обмундированию молодых офицеров и снабжению их оружием, биноклем и разными другими предметами, что, также, входило в обязанности строевого командного состава. Работы стало почти непосильно много.

С началом войны в Киеве было открыто еще три училища, — артиллерийское, инженерное и пехотное, получившее, сначала, наименование «2-ое Киевское военное училище», а впоследствии «Николаевское военное училище». 26 сентября 1914 года нашему училищу было Высочайше повелено именоваться «1-ым Киевским военным училищем».

Начальником 2-го Киевского военного училища был назначен генерального штаба генерал Гаврилов, наш бывший преподаватель тактики; командиром батальона — наш-же командир 2-ой роты капитан Галущинский. Должности двух командиров рот были, также, замещены нашими офицерами, капитанами Кононович-Горбатским и Желиховским. Несколько младших офицеров были переведены из нашего училища и у нас была взята половина наших солдат и служителей. Все инструкции, расписания, раскладки и пр. были целиком перенесены во 2-ое Киевское военное училище от нас и его можно с полным основанием назвать нашим детищем.

Вскоре после объявления мобилизации генерал Крылов получил в командование дивизию и Начальником училища был назначен ген. штаба генерал Калачев. Ушли на войну и многие преподаватели — офицеры генерального штаба, полковники Духонин, Геруа, Ткаченко и их обязанности взяли на себя наши строевые офицеры, среди которых было много окончивших академии. Поэтому, учебная часть в училище продолжала оставаться на высоте.

27-го января 1915 года училище было впервые осчастливлено посещением Государя Императора Николая 2-го. (Надо сказать, что при всех приездах Государя Императора в Киев, училище принимало участие в Его встречах. За пребывание в училище полковника Сигарева это было четыре-пять раз. Участвовало, также, училище в большом торжестве в присутствии Государя Императора по случаю открытия в Киеве на Царской Площади, у Купеческого Сада, памятника Императору Александру 2-му.).

При входе в Училище Государь был встречен Начальником училища и дежурным офицером. Прежде всего, Государь посетил лазарет училища, откуда, сопровождаемый Начальником училища, поднялся во второй этаж и вошел в зал, где был выстроен батальон юнкеров со всеми прочими чинами училища и преподавателями на левом фланге. Приняв рапорт командира батальона и поздоровавшись с полковником Сигаревым за руку Государь поздоровался с юнкерами. После дружного ответа «Здравия жела-

ем, Ваше Императорское Величество!», загремело юнкерское «ура!», почти заглушавшее гимн, исполнявшийся оркестром музыки.

Обойдя фронт, Государь вступил в отделенную от зала аркою церковь, где Его встретил кратким словом приветствия о. Евгений Капралов, отслуживший молебен.

Повыходе из церкви Государь обратился к юнкерам со словом и поздравил очередной выпуск с производством в офицеры. Затем, простившись с юнкерами, Государь направился к выходу. Новое громовое «ура!» сопровождало Государя, шедшего по коридору, затем — по лестнице, до самого выхода из училища и до съезда царского автомобиля от дверей.

Текст слова, сказанного Государем, был представлен Начальником училища по команде и вошел полностью в Высочайший приказ о производстве очередного выпуска в офицеры.

Полковник Де-Лобель, тогда капитан и командир роты, вспоминает о втором посещении училища Государем Императором в 1916 году, когда сопровождаемый генералом Калачевым и другими офицерами Государь обошел все помещения училища и, в частности, обратил Свое внимание на медные доски, на одной из которых был выгравирован приказ по училищу: «Инспектор классов вверенного мне училища генерал-маиор Старк имел счастье представляться Государю Императору, который осчастливил генерала Старка и все вверенное мне училище высокомилостивыми словами: «из вашего училища выходят отличные офицеры! Я знаю это от командиров полков...»

На другой доске стояли слова Государя, также сказанные Им генералу Старку: «Где Константиновец — там долг исполнен!»

24 июня 1915 года, после кончины Великого Князя Константина Константиновича, последовало Высочайшее повеление: 1-ое Киевское военное училище впредь именовать 1-м Киевским Великого Князя Константина Константиновича военным училищем.

27 августа 1915 года приказом по Военному Ведомству за № 458 Высочайше повелено присвоить училищу шифровку имени Великого Князя Константина Константиновича.

10 октября 1915 года Высочайше повелено: 1-ое Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище именовать впредь Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище.

11 декабря 1915 года последовало Высочайше соизволение на принятие под Августейшее покровительство Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны «Общества вспомоществования бывшим Киевлянам» и также, на переименование этого Общества в «Общество вспомоществования бывшим Киевлянам-Константиновцам».

В 1915 году было скромно, по случаю войны, отпраздновано 50-тилетие со дня основания училища.

Осенью 1915 года училище посетил генерал Адамович, назначенный Инспектором военных училищ и школ прапорщиков. В конце своей инспекции, присутствуя на тактических занятиях рот на Саперном поле, генерал Адамович сказал полковнику Сигареву: «Я рад за училище. Оно — в отличном состоянии, а юнкера производят впечатление старых юнкеров мирного времени». Это были юнкера 6-го и 7-го ускоренных выпусков.

С течением времени стала все более и более сильно ощущаться нехватка опытных, подготовленных офицеров для замены уходивших из училища на фронт командиров рот и младших офицеров. В 1916 году ушел на фронт и вскоре был убит, уже в чине подполковника, командир 3-ей роты капитан Воронцов. Поэтому было особенно ценным для училища прибытие таких отличных офицеров, как наш же бывший юнкер — капитан Тунеберг и капитаны Дмитриев, Осетров, Де-Лобель и Оребницкий.

После двукратного, в 1914 и в 1915 годах, отказа Главного Управления Военно-Учебных заведений отпустить полковника Сигарева на должность командира полка, 12 января 1917 года последовал Высочайший приказ о назначении полковника Сигарева командиром 304-го пехотного Новгород-Северского полка. Сдав батальон полковнику Севрикову, полковник Сигарев отбыл на фронт.

Подводя итог своей службе в училище, полковник Сигарев подчеркивает, что пребывание в училище генералов Крылова и Адамовича было чрезвычайно благотворным по своим последствиям. Оба эти начальника установили в училище твердые и разумные начала во всех отраслях жизни и обучения будущих офицеров.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович — Шеф Киевского Его имени Военного Училища.

1917 год.

27-го октября две роты училища вели бой на улицах Киева с пытавшимися захватить город большевиками. Понеся большие потери (убиты 2 офицера и 40 юнкеров, ранены 2 офицера и 60 юнкеров), обе роты вернулись в здание училища, где четыре дня, вместе с Корниловским ударным полком, также помещавшимся в училище, отбивались от осаждавших здание большевиков.

1-го ноября роты училища перешли в здание Владимирского кадетского корпуса.

5-го ноября училище покинуло Киев, отправившись по железной дороге в г. Екатеринодар, куда прибыло 13 ноября в составе: Начальника училища генерала Калачева, 25 офицеров и 131 юнкера. В Екатеринодаре училище вошло в подчинение Командующему войсками на Кубани, Атаману Кубанского казачьего войска полковнику Филимонову.

1-го декабря приказом Атамана Кубанского казачьего войска училище было переименовано в «Константиновское военное училище».

1918 год.

21 января училище, входившее в состав отряда «Спасения Кубани», по частям вышло на охрану железной дороги Екатеринодар-Кавказская.

29 января училище понесло первые потери на Кубани: были убиты 2 юнкера и ранены 4 юнкера.

12 февраля в бою с красными были ранены 2 офицера и 10 юнкеров.

28 февраля училище выступило в 1-ый Кубанский поход («Ледяной»).

2 марта все пешие части, выступившие из Екатеринодара, были сведены в один, 1-ый Кубанский стрелковый полк. Офицеры и юнкера училища вошли в состав полка полусотней 3-ей сотни. Командиром полка был назначен офицер училища, штабс-капитан Тунеберг. Штаб училища был прикомандирован к полку.

15 марта, после ряда боев, Кубанская армия отошла в горы и, соединившись у станицы Калужской с Добровольческой Армией, вошла в ее состав.

1917 год. — Справа от Начальника Училища **генерала Калачева** — командир батальона **полковник Сигарев.**

20 марта офицеры и юнкера училища были переведены из Кубанского стрелкового полка в Корниловский ударный полк, войдя в его состав ротой. Штаб училища до конца похода оставался при 1-ом Кубанском стрелковом полку.

23 марта в бою под станицей Григорьевской были ранены 2 офицера, убиты 4 юнкера и ранены 30 юнкеров.

28-31 марта рота юнкеров участвовала в бою под Екатеринодаром.

Апрель-Май: отошедшая на Дон Добровольческая Армия располагалась в районе станиц Егорлыцкой и Мечетинской.

Июнь-Июль: в составе Корниловского ударного полка рота юнкеров участвовала во 2-ом Кубанском походе и в боях под Торговой, Тихорецкой, Сосыкой и Тимошевской.

3 августа училище в составе 11 офицеров и 14 юнкеров вступило в Екатеринсдар. Большая часть офицеров и юнкеров погибла в 1-ом Кубанском походе и в предшествовавших занятию Екатеринодара боях, часть юнкеров, произведенных в офицеры, уехали в другие полки.

1919 год.

1 января в Екатеринодаре был открыт прием юнкеров с законченным средним образованием (67-ой выпуск).

1 февраля начались правильные занятия по программе мирного времени (двухгодичный курс). Начальником училища оставался вышедший с училищем из Киева генерал Калачев, Инспектором классов — полковник Попов. Командир батальона — полковник Сребницкий, ротные командиры: 1-ой полковник Де-Лобель, 2-ой капитан Мыльников, 3-ей подполковник Рейс, 4-ой полковник Худяков, затем — подполковник Коптев. Младшие офицеры: капитаны Уськов, Ушаков, Скрынник, Святополк-Мирский, Гуцаловский, Котляр, Черноглазов, штабс-капитан Сербинов, поручики Роше и Крестинский, подпор. Зелинский, поручики Алексеев и Житецкий.

30 июля - 6 августа училище перешло морем в место своей новой стоянки, в город Феодосию.

3 сентября был открыт новый прием в училище (68-ой выпуск).

27 декабря батальон училища, в составе 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, выступил на фронт.

31 декабря батальон выступил из Джанкоя к Перекопу.

1920 год.

«В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся к началу года на Кавказе, Крым и Новороссия приобретали особое значение, как последнее убежище», писал в своих «Записках» генерал Врангель. Почти в тех же выражениях говорит и генерал Деникин о значении удержания в то время в наших руках Крымского полуострова: «Корпус генерала Слащева охранял Крым — последнее убежище белых армий Юга. В Крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий, до 22 градусов, и корпус был отведен за перешейки, занимавшися только сторожевым охранением. Сосредоточенные к-ром корпуса крупные резервы обороняли Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боев, разбивая советские части и преследуя их, корпус трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение...» «В результате, все усилия советских войск проникнуть в Крым успеха не имели...»

В свете двух этих выдержек становится понятной боевая деятельность училища в этот период.

11 января батальон училища вел бой на косе Соленого Озера и у деревни Карпова Балка. Были ранены 1 офицер и 1 юнкер.

12 января батальон занял город Армянск.

15 января батальон училища, восстанавливая положение на Перекопскому валу, в метель и при морозе в 22 градуса вел упорный бой у Армянска, отбив ряд атак противника, переходя неоднократно в штыковые контр-атаки. Задача, поставленная батальону, была выполнена ценою тяжелых потерь: были убиты 3 офицера, в их числе — командир батальона полковник Сребницкий и 29 юнкеров, ранены 4 офицера и 51 юнкер.

22 января батальон вернулся в Джанкой.

Февраль-Апрель: батальон училища оставался в резерве командира Крымского корпуса и перебрасывался в различные пункты Крыма.

2 апреля батальон в колоне и с оркестром музыки атаковал станцию Сиваш по дамбе длиною в полверсты. Противник, не приняв удара, очистил станцию.

4 апреля батальон участвовал в бою за овладение станицей Джимбулук.

За оборону Крыма училище было награждено отличием на головные уборы. 45 юнкеров были награждены Георгиевскими крестами и 17 юнкеров — Георгиевскими медалями.

Начальником училища был назначен ген. штаба генерал-майор Чеглов, командиром батальона — полковник Худяков.

1-10 июля батальон училища принял участие в экспедиции против так называемых «зеленых» вдоль шоссе Феодосия-Симферополь.

30 июля батальон училища, в составе 2 генералов, 5 штаб и 20 обер-офицеров, 2 врачей,

377 юнкеров и 44 солдат, на военном транспорте «Сарыч» был переброшен в десант на Кубань в состав группы войск, позднее — армии, генерала Улагая.

1-3 августа батальон высадился у станицы Приморско-Ахтарской.

3-5 августа батальон совершил переход из станицы Приморско-Ахтарской, через хутор Астапов-Ефремов и станицу Ново-Джерелиевскую, на станицу Тимошевскую, пройдя 85 верст в 48 часов.

5 августа в 18 часов, обходом станицы Тимошевской с севера, батальон решил бой и заставил противника очистить станцию Тимошевскую.

7 августа батальон по железной дороге был переброшен на станцию Ольгинскую и, далее, походным порядком, на станицу Брыньковскую, для обеспечения левого фланга армии и ее сообщений.

8 августа утром батальон (без артиллерии) был атакован в станице Брыньковской превосходными силами красных (два полка Приуральской стр. бригады и конный дивизион, при 8 орудиях) и после упорного боя, охваченный с обоих флангов, отошел к станице Ольгинской, потеряв убитыми 2 офицеров (поручики Роше и Зелинский) и 17 юнкеров, ранеными 3 офицеров, 47 юнкеров и пропавшими без вести 1 юнкера и 2 солдат.

11 августа батальон, окруженный у станицы Ольгинской конницей противника (1ая красная кав. дивизия), успешно отразил ряд конных атак. Потери батальона — убито 5 юнкеров, ранено 2 офицера и 31 юнкер, пропали без вести 3 юнкера и 2 солдата.

11-13 августа, прикрывая 10-верстную колонну госпиталей и парков армии, батальон совершил в 36 часов фланговый марш в 74 версты: Ольгинская — Приморско-Ахтарская — Кирпели — Гривенная.

15 августа, при внезапном нападении красных («отряд Ковтюха» — 1.200 штыков при 4 орудиях) на штаб армии в станице Гривенной, батальон удерживал часть станицы и этим обеспечил отход штаба и частей армии на Ачуев. При этом были ранены 2 офицера и 9 юнкеров, пропал без вести 1 солдат.

16-19 августа, оставаясь в арьергарде, в 15-20 верстах от главных сил, в плавнях реки Протоки, батальон прикрывал отход и обратную посадку частей армии на суда южнее поселка Ачуев. Были убиты 2 юнкера, ранены 2 офицера и 14 юнкеров.

20-23 августа заставы, выставленные от батальона, прикрывали посадку с юга и с севера, действуя в плавнях и потеряв убитым 1 юнкера. Ввиду поднявшейся на море бури, посланному миноносцу не удалось снять южную заставу и она, позже, с большим трудом отошла ночью на лодке к месту посадки на суда.

24-28 августа батальон училища вернулся морем в Феодосию.

1 сентября был продолжен прием на младший курс. Юнкера, принятые на младший курс ранее, участвовали в десанте.

28 сентября младший курс был выдвинут в горы Крыма для борьбы против «зеленых».

20 октября юнкера старшего класса закончили полностью прохождение курса. Одна рота была выдвинута на Арабатскую стрелку.

30 октября, ввиду полной эвакуации Крымского полуострова Русской Армией, началась посадка на суда. Юнкера старшего класса заняли караулами все суда в порту города Феодосии.

2 ноября училище покинуло Родину на военном транспорте «Дон» в составе 4 генералов, 15 штаб и 16 обер-офицеров, 1 священника, 2 чиновников, 342 юнкеров и 3 солдат.

13 ноября, после остановки на рейдах Константинополя и Лемноса, училище прибыло в Галлиполи (Греция).

17 ноября училище с оружием высадилось на берег в Галлиполи.

5 декабря (18-го по новому стилю) Главнокомандующий лично произвел в офицеры 114 юнкеров 67-го выпуска, сведенных после производства в Офицерскую роту при училище.

1921 год. Галлиполи (Греция).

Начальником училища назначен ген. штаба генерал-маиор Борисевич, Инспектором классов — ген. шт. генерал Жекулин; командир батальона полковник Худяков.

Приказами Главнокомандующего Русской Армией № 63 от 25 февраля 1921 г. и № 91 от 11 марта 1921 г. за бои в Кубанском десанте училище было награждено Серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 5 офицеров награждены следующими чинами, 85 юнкеров — Георгиевскими крестами и 42 юнкера — Георгиевскими медалями.

За непрерывную службу Родине и за сохранение своего оружия, Главнокомандующим даровано училищу право прохождения церемониальным маршем «ружья на-руку».

15 апреля н. ст. гг. офицеры 67 выпуска выпущены по полкам.

21 апреля при училище сформированы Офицерские курсы на 100 обер-офицеров, произведенных в первый офицерский чин за боевые отличия и не получивших военного образования.

Офицеры и юнкера Георгиевские кавалеры в день праздника Ордена Св. Георгия 26.XI—9.XII 1921 г. в Галлиполи. Рядом с Начальником Училища **генер. Борисевичем** — ген. шт. **полк. Сергеевский** (с шашкой).

Батальон Училища перед церемониальным маршем на параде в Галлиполи (1921 год).

17 декабря училище погрузилось на пароход «Ак-Дениз» для перевозки, по соглашению между Главным Командованием и Болгарским правительством, в Болгарию.

1922 год. Болгария.

1. января училище прибыло в место новой стоянки-казармы у города Горна Джумая.

1 февраля состоялся выпуск по своим полкам гг. офицеров Офицерских курсов при училище. Было выпущено 60 обер-офицеров.

19 февраля Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель зачислил себя в списки училища.

Приказами Главнокомандующего в списки училища зачислены: командир 1-го армейского корпуса генерал Кутепов и бывший Начальник училища генерал Чеглов, в начальствование и под непосредственной командой которого училище заслужило свои Серебряные трубы с лентами ордена Св. Николая Чудотворца.

29 мая старший класс (68 выпуск) закончил прохождение курса училища; приказом Главнокомандующего Русской Армией 4-го июня 109 юнкеров произведены в подпоручики и сведены в две Офицерские роты при училище, впредь до отправления по своим полкам.

В середине 1922 года Начальником училища был назначен ген. шт. генерал-майор Российский и Инспектором классов — ген. штаба полковник Сергеевский.

Осенью того же года в место стоянки училища было переведено Корниловское военное училище, и оба училища были сведены в одно Сводное Константиновское-Корниловское военное училище в виде двух отдельных батальонов, но с общим Начальником училища и общей учебной частью.

Совместная деятельность двух военных училищ продолжалась до конца 1923 года.

1923 год. Болгария.

Юнкера 69-го выпуска закончили прохождение курса училища и приказом Главнокомандующего Русской Армией произведены в подпоручики с оставлением, по условиям обстановки, при училище.

За исчерпанием кредитов Главного Командования, все чины кадра училища и прикомандированные офицеры 68-го и 69-го выпусков постепенно переходили на собственное иждивение, расселяясь по всей Болгарии.

1925 год.

Кадр училища, во главе с И. д. Начальника училища ген. шт. полковником Соколовским и также некоторые из прикомандированных к учичищу офицеров, переходит во Францию.

1926 год. Франция.

В городе Париже, в составе Русского Обще-Воинского Союза, учреждается «Объединение Киевлян-Константиновцев» и при нем «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев».

Такое же «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев» было учреждено и в Югославии. Это Общество действовало и оказывало помощь нуждающимся своим членам вплоть до оккупации Югославии германскими войсками в 1941 году.

Составил **К. М. Перепеловский**

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U604
.K54
L1
1965

Склад издания: «Le Passé Militaire»
61, rue Chardon-Lagache - PARIS (16me).

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)